

ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Хорунжий С. Н.¹

Ключевые слова: конституционный принцип, соразмерность, необходимость, пригодность, баланс конституционно защищаемых ценностей, деконструкция.

Аннотация.

Цель работы: анализ и выявление признаков пропорциональности как самостоятельного принципа конституционного права; составление матрицы элементов пропорциональности, обеспечивающих условия реализации конституционной пропорциональности.

Методы исследования: научно-доктринальный, юридико-догматический, сравнительно-правовой, герменевтический.

Результаты исследования: установлено, что принцип пропорциональности является самостоятельным, выступает одной из фундаментальных правовых основ, регламентирующих конституционные правоотношения, обладающих высокой степенью юридической абстракции, содержанием которой является процедурно-процессуальная модель применения условий и критериев достижения справедливости, реализация которой носит пруденциальный по отношению к обеспечению баланса конституционно защищаемых ценностей характер.

Исполнение процедурно-процессуальной модели становится не только фактом правоприменения принципа пропорциональности, но является условием его реализации. В этом состоит основополагающее отличие содержания принципа пропорциональности от других конституционных принципов права. С учетом конституционной пропорциональности как самостоятельного феномена правовой действительности, принцип пропорциональности обретает свое содержание исключительно в процессе его реализации. Последнее предполагает последовательное соблюдение условий и критериев, представленных в упомянутой матрице пропорциональности.

Категории, признаки и условия обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей были сведены в комплексную матрицу, демонстрирующую собственно действие принципа конституционной пропорциональности.

Представленная в работе авторская модель матрицы пропорциональности позволяет обеспечить баланс между материальными и процессуально-процедурными принципами, компетенцией госоргана и судебным контролем (надзором), эпистемологической неопределенностью и прямыми нормами Основного закона.

Принцип пропорциональности выявляет адекватность способов и границ реализации прав и законных интересов, влияет на определение непосредственных форм и процедур, инструментов и механизмов законотворчества и правоприменения.

DOI: 10.21681/2226-0692-2021-4-9-20

Введение

Преимущество правовых принципов по отношению к нормам материального права состоит в том, что к ним не предъявляются требования четкой юридической формализации, без чего не может эффективно существовать норма материального права². По этой же причине именно принципы имеют столь существенное значение при определении границ про-

порциональности в ходе реализации дискреционных полномочий субъектами конституционных правоотношений.

Для отечественной правовой мысли традиционным является рассмотрение правовых принципов как неких фундаментальных правовых начал, пронизывающих ту или иную отрасль права, основные направления правового регулирования. Как указывал в свое время С.С. Алексеев, принцип права характеризуют исход-

² Алексеев С.С. Общая теория права. В 2-х т., т. I. М.: Юридическая литература, 1981. С. 51.

¹ Хорунжий Сергей Николаевич, секретарь избирательной комиссии Воронежской области, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: snhor@me.com

ные нормативно-руководящие начала соответствующей правовой системы, которые играют более существенную роль, нежели правовые явления, выражающие содержание права, выступая в качестве самостоятельных «высокозначимых регулятивных элементов в структуре права»³. Здесь же ученый выделил основные признаки, свойственные принципам права: норма права существует наряду с принципом права, не перекрывая его; принцип права имеет собственное место (звено) в структуре права в качестве регулятивного элемента; в силу указанных особенностей юридической природы принципы права предопределяют вектор правоприменительной практики, включая судебную. Последнее позволяет рассматривать принцип в качестве «механизма саморегулирования в системе права»⁴.

Основанием для представленного понимания принципа является высказанное в свое время проф. С.С. Алексеевым и весьма близкое для излагаемой в настоящей работе концепции понимание права в виде идеологического явления, где руководящие и концентрированные начала раскрываются как принципы, выявляющие сущность права, его основы и тенденции развития. Профессор справедливо указал на глубокую обусловленность и связанность принципов права с особенностями правовой системы того или иного исторического типа, общественно-экономической формации.

Правовой принцип в качестве «основополагающих начал правового регулирования» или «руководящих идей» [2], не давая четкой формально-юридической фиксации возможного или должного, определяет допустимые варианты и формы поведения [16, 16]. В научной литературе отмечалось также, что применение принципов права более характерно для процессуальных отраслей права, нежели для материальных [4, с. 98—107].

Постановка задачи

I. Правовая характеристика конституционных принципов

В конституционном праве выделяют «общие конституционные принципы, или принципы конституции», а также «частные, или институциональные, конституционные принципы», «писанные» или «неписанные», каждая из которых, в свою очередь, могут включать в себя самостоятельные группы и виды конституционных принципов [3]. В.Е. Чиркин о конституционных принципах говорит как о нормах высокой степени обобщенности⁵.

Следует также помнить и другие степени юридической абстракции в понимании конституционных принципов, высказанные в свое время в науке. Так, О.Е. Кутафин в качестве таковых определял «устои государства», под которыми он определял прежде всего «основы конституционного строя»⁶. Схожего мнения

придерживался М.В. Баглай, утверждавший, что нормы-принципы интегрированы в первую главу Конституции РФ как основы конституционного строя⁷.

Заметим, что слабость юридической формализации конституционного принципа, неопределенность его правового содержания, сближающая его более с нормами морали, нравственности, а также идеологическими постулатами, дает основание некоторым ученым не учитывать принципы в качестве самостоятельного элемента системы права, которые приобретают юридическое звучание лишь в рамках действия конкретных норм права.

В этом смысле можно говорить о схожести неюридических ценностей с аксиологическими характеристиками конституционных ценностей по таким критериям, как:

- а) нормативное содержание ценностей (принципы, идеалы, стандарты);
- б) наличие социально-полезной цели (оптимальное развитие общества и государства);
- в) правовая форма (конституционные правовоположения).

В зарубежных исследованиях разброс мнений также весьма велик даже на уровне квалификации принципа как самостоятельной ценности. Так, Р. Алекси указывает, что, несмотря на единую концептуальную структуру, принципы и ценности имеют различные сферы действия: принципы находятся в сфере должного (деонтологического), а ценности — в сфере предпочитаемого (аксиологического) [17, с. 93]. Представляется, что такое деление в рассматриваемом нами конституционном аспекте достаточно существенно, поскольку категория «должного» требует обязательного исполнения, в то время как категория «предпочитаемого» находится в сфере адиафорного порядка, ценностное содержание которого может быть абсолютно безразлично, что исключает какие-либо требования к соблюдению подобных ценностей.

Следует также сказать о неоднократно отмеченной в российской и зарубежной научной литературе тонкой правовой грани, отделяющей конституционные ценности от конституционных принципов [5, 6, 11, 15, 8, 19, 20].

Особенность рассматриваемых здесь вопросов требует также упомянуть возможность защиты конституционных ценностей. Последняя реализуется, в частности, благодаря механизмам конституционного нормоконтроля, обеспечивающих нормативно-преобразующее перепостроение действующих норм права, идея которого изложена в предшествующих частях работы.

Все же в большей части исследований, посвященных анализу юридической природы принципов, последние рассматриваются в качестве самостоятельного элемента системы права, отдельно стоящего по отношению к традиционным правовым нормам. Полагаем, для этого есть все основания.

Так, для норм-правил характерно требование определенного поведения: рекомендуемого, допускаемого или запрещенного для исполнения. Соответственно, такие требования норм права можно либо выполнить, либо нет. В сфере правореализационного действия прин-

³ Алексеев С.С. Общая теория права. В 2-х т., т. I. М. : Юридическая литература, 1981. С. 51.

⁴ Черданцев А.Ф. Системность норм права / Сборник научных трудов СЮИ. Вып. 12, Свердловск, 1970. С. 49.

⁵ Чиркин В.Е. Конституционное право России. М. : Норма, 2009. С. 25.

⁶ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России : учебник. 3-е изд. М. : Юрист, 2002. С. 125.

⁷ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. 2-е изд. М. : Норма, 2000. С. 99.

ципов права характер исполняемого требования состоит несколько в ином, а именно — в максимальном соответствии заложенной в юридической абстракции идеи, причем темпорально непрерывно. Например, принцип справедливости предполагает соответствующую направленность действий со стороны всех участников на протяжении всего периода правового взаимодействия. Иными словами, можно говорить о степени выполнения (в смысле — достижения) принципа.

Кроме того, в науке конституционного права закрепленные в Основном законе принципы предлагаются рассматривать в их бинарном сочетании — когда разнонаправленные принципы раскрываются в непротиворечивой взаимосвязи, в основе которой лежит идея социального интереса. Так, Г.А. Гаджиев говорит о бинарности таких принципов, как свобода выборов и свобода выражения мнений, государственная суверенитет и личностная автономия, государственность и народовластие, свобода предпринимательской деятельности и социального государства и др. [5]. Взаимобусловленность бинарных принципов, их общая целевая сопряженность позволяет обеспечить баланс различных конституционных принципов — единство в их непротиворечии [16, с. 35—40].

Идея бинарности конституционных принципов согласуется с проведенным В.Е. Чиркиным методологически верным отождествлением социального государства и его одноименной функции. Как указывает ученый, цель социального государства состоит в реализации конституционных гарантий обеспечения достойного уровня жизни и соответствующих социальных благ⁸.

Отметим, что идея баланса бинарных конституционных принципов рассматривается и в других конституционно-правовых сферах. Так, указывая на конституционно обусловленную императивность баланса между ценностями рыночной экономики и конституционными ценностями социального государства, Конституционный суд РФ (далее также — КС) говорит о «социально ориентированной рыночной экономике»⁹. В рамках бюджетного законодательства предлагается, в частности, перейти от финансово-правового патернализма к финансово-правовому инвестированию, где цель обеспечения расходов получателей замещается получением доходов получателей, что означает «коммерциализацию» социальной функции государства и «социализацию» предпринимательской деятельности. Последнее выступает одним из инструментов обеспечения «баланса бинарных конституционных принципов» [11, с. 76—85].

Принципиально не исключая возможность рассмотрения конституционных принципов с изложенных выше «бинарных» позиций, укажем лишь, что ткань конституционной материи значительно сложнее, а изложенный выше подход к анализу конституционных принципов более приемлем и, подчеркнем, весьма желателен с дидактической точки зрения, где соответствующая дихотомия позволяет прояснить глубокое содержательное наполнение каждого из принципов, в то время как конституционная доктрина требует комплексного подхода,

сопровождаемого юридическим анализом действия всех других конституционных положений.

Так, рассматривая свободу договора и ограничения предпринимательской деятельности, КС указал на требования их адекватности, пропорциональности, соразмерности, а также соответствие целям «защиты основных конституционных ценностей», при котором государственное вмешательство должно «обеспечивать частное и публичное начала в сфере экономической деятельности»¹⁰, не допустить постановку «под угрозу конституционно защищаемых ценностей»¹¹.

Соглашаясь с ценностью конституционных принципов, нельзя забывать и недостатки их правоприменения, являющиеся обратной стороной достоинств: слабая юридическая формализация, как справедливо указывается в научной литературе, зачастую может приводить к политизации принимаемых на их основе решений или государственной идеологизации¹² [9, с. 265—265], но вместе с тем это чрезвычайно важно для определения вектора государственного развития.

Предварительный вывод 1: конституционный принцип выступает самостоятельной конституционно защищаемой ценностью правовой системы России.

II. Конституционно-правовая характеристика пропорциональности как самостоятельного принципа права: юридическое содержание и условия правоприменения

С учетом сказанного, опираясь на результаты анализа пропорциональности, произведенного ранее [14, с. 165—185, 250—256], считаем возможным подойти к исследованию пропорциональности как самостоятельного конституционного принципа по следующим направлениям:

- 1) содержание и признаки;
- 2) процедура и условия правоприменения;
- 3) критерии определенности и достижимости;
- 4) телеологическая завершенность и практическая обусловленность.

Первое: содержательные или юридико-онтологические аспекты (признаки)

Применительно к конституционным принципам как таковым считаем возможным выделить их следующие фундаментальные **особенности**, а также сопутствующие им **признаки принципа конституционной пропорциональности**:

- 1) идеологические начала (справедливость, равенство, гуманизм и т. п.) как фундаментальная основа регламентации конституционных правоотношений; вытекающий отсюда признак исследуемого конституционного принципа — степень достижения (исполнения);
- 2) высокая степень юридической абстракции, зачастую исключая формализацию с помощью традиционных для отраслевого законодательства норматив-

⁸ Чиркин В.Е. Государствоведение. М., 2000. С. 56.

⁹ Постановления Конституционного суда РФ от 20.12.2010 г. № 22-П, от 14.05.2009 г. № 8-П.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2018 г. № 32-П.

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 г. № 8-П.

¹² Нерсесянц В.С. Философия права : учебник для вузов. М. : Норма, 1997. С. 386—387.

ных правовых формулировок («принцип равенства», «принцип справедливости» и т. п.); признак — отсутствие в тексте Основного закона нормы, раскрывающей содержание конкретного конституционного принципа;

3) непрерывность действия принципа; признак — отсутствие дискретности в ходе реализации конституционного принципа во времени;

4) возможность одновременного правоприменения конкурирующих между собой конституционных принципов (например, свобода предпринимательской деятельности и требования социального государства); признак — наличие конституционной неопределенности в определении и выборе единственного принципа, подлежащего применению;

5) абстрактное конституционное предписание благодаря судебному толкованию деконструируется, облекаясь в конкретное конституционное правовоположение — формально определенную норму, подлежащую правоприменению; признак — формально-юридический ответ на вопрос о наличии или отсутствии соответствующего субъективного права частного лица или публичного права органа власти;

6) баланс конституционно защищаемых ценностей как конституционно-правовая основа гармонизации применения различных и порой разновекторных конституционных принципов; признак — непротиворечивость избранной модели конституционного правоуправления.

Изложенные здесь положения в совокупности с рассмотренными в предшествующих разделах работы механизмом и условиями пропорциональности позволяют сделать вывод о том, что применение требований пропорциональности обладает всеми выявленными выше признаками конституционного принципа.

При этом ключевым признаком, предопределяющим особенность пропорциональности как принципа, позволяющим обеспечить указанный выше баланс конституционных ценностей, выступает степень его достижения — пропорциональность реализуемых правовых механизмов, средств и инструментов регулируемым общественным правоотношениям. Взаимосвязь конституционных принципов между собой возможна на основании выделенных выше содержательных юридико-онтологических особенностей и признаков. Гармонизирующим в этом выступает категория баланса конституционно защищаемых ценностей, а процедурой его обеспечения — степень его достижения [14].

Сказанное позволяет теперь подойти ко второму из выделенных выше аспектов рассмотрения принципа пропорциональности — процедуре и условиям применения принципа пропорциональности.

Предварительный вывод 2: принцип пропорциональности выступает одной из фундаментальных правовых основ, регламентирующих конституционные правоотношения и обладающих высокой степенью юридической абстракции.

Второе: процедура и условия правоприменения

Исследование пропорциональности, предпринятое ранее, позволяет утверждать, что содержательные юридико-онтологические особенности рассматриваемо-

го принципа находят свое выражение лишь тогда, когда принцип пропорциональности подлежит применению, т. е. в процессе его реализации. Так, раскрытие содержания принципа пропорциональности, в отличие, например, от принципов справедливости, равенства или демократизма, возможно лишь при его соотношении в динамике действия и степени совместного применения с иными конституционными принципами.

Действительно, если, например, демократизм можно раскрыть посредством правовых категории той или иной степени юридической формализации, вне зависимости от реального наличия или отсутствия демократии в конституционной практике государства, то пропорциональность возможно «узреть» только по результатам соответствующей правоприменительной или правореализационной деятельности государства и его органов.

Не случайно в научной литературе принцип пропорциональности раскрывается зачастую как «соразмерность целей и средств всех актов и действий органов публичной власти» [3].

В этом смысле можно утверждать, что принцип пропорциональности обладает процедурно-процессуальным характером: принцип проявляет свое юридическое содержание при соблюдении определенных условий и критериев (процессуальный аспект) в результате непосредственной, последовательной и поэтапной реализации правил и требований (процедурный аспект).

Кроме того, интегративное действие процедурно-процессуального принципа пропорциональности, целью применения которого является обеспечение баланса конституционно защищаемых ценностей, в обязательном порядке требует соотношения в процессе реализации указанного принципа с действием других конституционных принципов, в том числе равновекторными (бинарными), но не охватывается ими.

В этом смысле пропорциональность проявляется на стыке и в процессе действия иных конституционных принципов и конституционно защищаемых ценностей.

Процедурно-процессуальный характер принципа пропорциональности требует определения элементов, обеспечивающих возможность достижения баланса конституционно защищаемых ценностей — условий, критериев и моделей его правоприменения.

По этой причине нельзя считать юридически безупречным имеющие место в практике Конституционного Суда РФ общие ссылки на использование принципа соразмерности (пропорциональности) без надлежащего изложения аргументов, положенных в основу оценки правил и процедур его применения. Более того, в рамках представленной выше модели действия принципа пропорциональности это будет означать также замещение выявленной ранее дискреции как условия реализации принципа пропорциональности, предопределяющую лишь саму возможность такого правоприменения на дискрецию как непроверяемое и, следовательно, отчасти неограниченное усмотрение.

Очевидно, что подобное применение принципа пропорциональности не будет способствовать укреплению доверия ни к конкретным решениям такого органа, ни к деятельности публичных институтов как таковым.

Поэтому мнение о том, что последовательное прохождение стадий при проведении теста пропорциональности является излишней «формалистичностью», встречающейся в правовой доктрине и «нормоконтрольной деятельности отдельных конституционных/межгосударственных юрисдикционных органов»¹³, представляется ошибочным. Напротив, процессуальная экономия органа конституционного контроля, о котором говорит Конституционный Суд РФ, допускающая отклонение от прохождения всех стадий и этапов (своеобразное «конституционное пренебрежение»), не может ставить под сомнение объективно признаваемые им «гносеологические мотивы»¹⁴ справедливости и законности постановляемого Судом решения.

Применение принципа пропорциональности предопределяется возможностью руководствоваться им при определении модели регламентации общественных отношений (законодательная сфера) или разрешении возникших споров (судебная сфера). В основе сказанного лежат дискреционные полномочия.

Юридическая допустимость конституционной дискреции в практической ситуации непосредственного правоприменения во многом будет определяться соотношением между юридической возможностью усмотрения и границами конституционного контроля за его реализацией [12].

Иными словами, применительно к законодательному (представительному) органу государственной власти содержание его юридико-эпистемологического усмотрения будет определяться ответом на вопрос о соотношении, например, конституционного контроля (надзора) со стороны Конституционного Суда и границами собственных конституционных полномочий Парламента.

Юридико-эпистемологическое усмотрение может возникнуть только в случаях юридической неопределенности или, как указывается в зарубежных исследованиях, «нормативной ненадежности» [17, с. 420; 18, с. 215]. Последняя в целом обусловлена объективными пределами познавательных способностей, а в нашем случае — пределами познаваемости действия конституционных норм и закрепляемых в законе юридических форм их эффективного обеспечения.

Вопрос об эпистемологической доступности понимания нормативных положений напрямую связан с одной фундаментальной проблемой, получившей в последнее время наиболее яркое олицетворение в сфере процессуального законодательства, а именно — в концепции формально-определенной истины.

Не случайно именно процессуальное законодательство стало сферой правового отражения юридико-эпистемологической неопределенности в праве. На самом деле общественные отношения, урегулированные нормами материального права, как правило, имеют достаточно четкую и безальтернативную определенность: право и обязанность, дозволение и запрет и проч.

Вместе с тем, с учетом эпистемологической невозможности предопределить все вариации предметной жизни человека, социума и государства, значительная роль в регулировании общественных отношений отводится сформулированным в законе принципам и основанным на них процессуальным решениям уполномоченных органов. Именно здесь возрастает роль юридико-эпистемологического усмотрения для разрешения возникшей в практике общественной жизни ситуации правовой неопределенности.

Последнее слово в установлении эмпирических предпосылок в случаях неопределенности остается за законодательной властью. Компетенция законодательного органа по отношению к Конституционному суду может быть квалифицирована не как принцип, а как правило [17, с. 426]. Это означает, что именно законодательная власть, а не Конституционный суд, имеет право принимать решения в рамках эпистемологического усмотрения. Следовательно, прямое действие конституционных норм обеспечивается дискреционными полномочиями КС давать соответствующее толкование и разъяснения норм Основного закона, в то время как правомочность самого законодательного органа является лишь следствием предоставленных ему Конституцией дискреционных полномочий — структурной и юридико-эпистемологической дискреции [13].

Вопрос о распределении компетенций решается с помощью простого правила, а не баланса принципов. Это — правило распределения полномочий между законодательным органом и Конституционным судом. Законодательная власть связана только конституцией, в то время как Конституционный суд как судебная власть связан также принятыми в ее исполнение законами.

Действительно, пределы нормотворческого и правоприменительного усмотрения определяются, как указывает Конституционный суд РФ, требованиями соразмерности (пропорциональности)¹⁵.

Таким образом, условием применения принципа пропорциональности выступает **дискреция**.

Предварительный вывод 3: неисполнение каких-либо процедурно-процессуальных элементов, обеспечивающих действия принципа пропорциональности, их упразднение, в основе которого лежит дискреция, исключает исполнение принципа как такового.

Третье: критерии определенности и достижимости

Для исключения избыточного усложнения во всех случаях реализации принципа пропорциональности считаем допустимым говорить о следующих критериях определенности и достижимости: а) конституционная невозможность пропорциональности; б) конституционная допустимость пропорциональности; в) конституционная необходимость пропорциональности.

Конституционная невозможность пропорциональности предполагает такое соотношение ценностей, при котором в рамках современного правопонимания

¹³ Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021).

установление между ними конституционно-правового баланса является неприемлемым и недопустимым. Например, при конкуренции таких конституционных ценностей, как право на жизнь и право на частную собственность, в российской правовой парадигме не может считаться «автоматически» допустимым лишение лица жизни в случае нарушения им границ частной собственности, не сопряженного с посягательствами на жизнь и здоровье собственника. Таким образом, установление в законе разрешения на применение огнестрельного оружия исключительно с целью восстановления нарушения гражданского права частной собственности будет неприемлемым и недопустимым. Мы имеем ситуацию с ярко выраженной конституционной невозможностью обеспечения пропорциональности указанным правовым инструментарием.

Конституционная допустимость пропорциональности. В развитии приведенного выше примера предположим, что собственник жилого дома обеспечил применение механизмов, препятствующих проникновению на территорию принадлежащей ему недвижимости, гипотетически исключающих причинение вреда каким-либо случайно попавшим на охраняемую территорию лицам, за исключением тех, кто действует с прямым преступным умыслом, например, в целях наживы (кражи) чужого имущества. Ответ о допустимости подобной конституционной пропорциональности будет поставлен в зависимости от множества квалифицирующих признаков как со стороны действий преступника (был ли умысел направлен только на имущество с целью кражи или также на возможность причинения вреда здоровью и жизни лиц, находящихся на охраняемой территории), так и со стороны титульного владельца: позволяют ли принятые им меры в отношении защиты имущества исключить прямое причинение вреда жизни и здоровью расхитителю. Как показывает сложная правоприменительная практика, именно анализ указанных и многих других обстоятельств позволяет в конечном счете определить конституционную возможность — допустимость предпринятых собственником фактических мер, направленных на защиту гражданских отношений в рамках действующего правового инструментария.

Конституционная необходимость пропорциональности предполагает ситуацию, при которой избранный арсенал правовых средств и инструментов обеспечивает достижение баланса конституционно защищаемых ценностей. Если в первом случае речь шла о невозможности гармоничного обеспечения и защиты порой разновекторных (бинарных) в своей реализации ценностей, а во втором — о принципиальной допустимости избранного направления в защите ценностей, то в данной (третьей) конструкции имеем ситуацию, сопряженную, по сути, с обязательностью применения найденного правового инструментария, обеспечивающего реализацию каждой из ценностей и тем самым достижение соответствующего баланса конституционно защищаемых ценностей.

В рамках рассматриваемого выше примера конституционно необходимыми с точки зрения обеспечения пропорциональности будут, в частности, такие варианты защиты права частной собственности, как запи-

рающие и сигнализирующие устройства, привлечение специальных служб, обеспечивающих охрану и т. п.

Так, исключение из матрицы типового разноразмерия справедливости не позволяет в должной степени применять пропорциональность к разным группам правоотношений, в том числе с условием особенностей, свойственных российскому отраслевому законодательству. Например, достижение справедливости в отдельных видах гражданских правоотношений, основанных на принципах возмездности и допустимости применения средств самозащиты (коммутативный тип справедливости), может оказаться полностью (или в части) неприемлемой в правоотношениях, регулируемых нормами уголовного или административного законодательства.

Предварительный вывод 4: спорадическое исполнение (применение) отдельных критериев и условий не только разрушает доктринальную завершенность принципа пропорциональности как такового, но, что самое главное, не позволяет обеспечить механизм его действия в целом.

Четвертое: телеологическая завершенность и практическая обусловленность

Достижением цели правового регулирования, как уже неоднократно было указано, выступает баланс конституционно защищаемых ценностей.

В процессе реализации указанного целеполагания принцип пропорциональности подспудно проявляет дополнительное специфическое качество, состоящее в итоге его применения. Так, если неисполнение «классических» принципов законности, справедливости и т. п. с очевидностью влечет за собой отмену соответствующих действий и решений, в том числе признание нормативных правовых актов или их частей не соответствующими Конституции РФ, неприменение принципа пропорциональности императивно таких последствий не влечет, поскольку в этой ситуации нельзя говорить об отсутствии пропорциональности.

Пропорциональность ограничений, запретов и обязанностей констатируется и гарантируется лишь по результатам применения исследуемого принципа, но вне его — может только предположительно ожидаться или отрицаться. Поэтому качество пропорциональности имеет предварительное, предупреждающее значение — возможность исключения в последующем негативных последствий, связанных с введением непропорциональных правовых средств и механизмов.

Предварительный вывод 5: применение принципа пропорциональности носит упреждающий (пруденциальный) по отношению к обеспечению баланса конституционно защищаемых ценностей характер; указанное качество обеспечивает снижение рисков неконституционно-го регулирования соответствующих правоотношений.

III. Конституционно-правовые особенности (условия) реализации принципа пропорциональности: матрица элементов пропорциональности

Рассмотренные нами выше категории, признаки и условия обеспечения баланса конституционно защища-

Матрица элементов пропорциональности: условия конституционной пропорциональности

баланс конституционно защищаемых ценностей									
критерии пропорциональности	справедливость уравнивающая (синаллагматическая)			справедливость распределяющая (дистрибутивная)			справедливость меновая (коммутативная)		
	законность цели	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет
пригодность	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет
адекватность [необходимость и соразмерность]	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет	да/нет
правовые константы*	[а]	[б]	[в]	[а]	[б]	[в]	[а]	[б]	[в]

* а) конституционная невозможность; б) конституционная допустимость; в) конституционная необходимость

емых ценностей могут быть сведены в **комплексную матрицу**, демонстрирующую собственно действие принципа конституционной пропорциональности.

Включение указанных элементов в матрицу позволяет обеспечивать самые разные способы их соотношения, например, баланс между материальными принципами, включая эпистемологические неопределенности, и процессуально-процедурными принципами, компетенцией и судебным контролем (надзором) либо между компетенцией законодательного органа и материальными принципами, или, как продолжение, баланса между эпистемологической неопределенностью и прямыми нормами Основного закона (табл.1).

Функциональное использование представлений матрицы рассмотрим на примере действия принципа пропорциональности в правоотношениях, связанных с защитой жизни и здоровья гражданина как основной конституционно защищаемой ценности.

В качестве примера проанализируем нормы статьи 1083 ГК РФ, ставшие предметом неоднократного рассмотрения Конституционным Судом РФ, а именно конституционность абзаца второго пункта 2 указанной статьи, в соответствии с которым даже грубая неосторожность потерпевшего и отсутствие вины причинителя не является основанием для отказа в возмещении вреда при причинении вреда жизни или здоровью гражданина.

По мнению заявителей, положение гражданского законодательства, при котором на владельца транспортного средства, являющегося при этом добросовестным участником дорожного движения, накладывается безусловная обязанность по возмещению вреда, что «нарушает баланс прав сторон деликтного обязательства»¹⁶.

Конституционный суд РФ дал иную оценку данной ситуации, указав, что конституционность исследуемых правоположений зависит от ряда обстоятельств:

а) общее правило, изложенное в пункте 2 статьи 1064 ГК РФ о том, что лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред

причинен не по его вине, имеет здесь же установленное исключение: законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда¹⁷;

б) положения статьи 1079 ГК РФ предусматривают, что ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, наступает независимо от вины причинителя вреда; указанная норма представляет собой один из законодательно предусмотренных случаев отступления от принципа вины, при котором ответственность возлагается вне зависимости от ее присутствия у причинителя вреда и поэтому не может рассматриваться как противоречащая части третьей статьи 55 Конституции РФ, допускающей ограничение конституционных прав и свобод федеральным законом в целях защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц¹⁸;

в) пункт 2 статьи 1083 ГК РФ в системной связи с рассмотренными положениями статьи 1079 ГК РФ позволяют говорить лишь о двух случаях уменьшения размера возмещения вреда, возникновению или увеличению которого способствовала грубая неосторожность потерпевшего¹⁹:

- наличие грубой неосторожности со стороны потерпевшего и, обязательно, наличие вины причинителя вреда;
- установление факта грубой неосторожности, но отсутствие вины причинителя вреда; в данной ситуации допускается не только уменьшение размера возмещения, но и полный отказ в возмещении, если иное не установлено законом.

При этом, как указывает КС РФ, освобождение от ответственности по усмотрению суда при осуществлении правосудия основано на имманентно присущей судебной власти дискреционности, основанной на само-

¹⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 24.11.2016 г. № 2454-О; см. также: постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2009 г. № 13-П.

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2005 № 261-О; постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 г. № 1-П.

¹⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.10.2012 г. № 1833-О.

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 г. № 3429-О.

стоятельности судебной власти, предусмотренной статьей 10 Конституции РФ²⁰.

В связи с изложенным, ссылаясь на проводимую в Российской Федерации политику правового и социального государства, Конституционный суд РФ указал, что нормы действующего законодательства воплощают основанный на «принципе пропорциональности баланс субъективных прав причинителя вреда, осуществляющего деятельность, связанную с повышенной опасностью для окружающих, с одной стороны, и потерпевшего, проявившего грубую неосторожность, — с другой, а потому данные законоположения не могут рассматриваться как нарушающие права заявителя, закрепленные в статьях 17 (часть 3), 19 (часть 2), 45 (часть 1) и 55 Конституции Российской Федерации»²¹.

Предварительный вывод б: невозможно обеспечить реализацию правовой пропорциональности и баланса конституционно защищаемых ценностей в случае исключения каких-либо критериев (законности, пригодности, адекватности); основополагающим здесь выступают требования в последовательном соблюдении (оценке и анализе) выявленных критериев в степени их достижения (реализации), которые можно агрегировать в единую матрицу элементом (условий) пропорциональности.

IV. Практические аспекты применения принципа пропорциональности при установлении баланса конституционно значимых ценностей

Попытаемся рассмотреть приведенные выше конституционные правовые положения с учетом предложенной матрицы принципа пропорциональности.

Являясь безусловной базовой конституционно защищаемой ценностью, право на жизнь не может быть заменено или замещено в рамках ни синаллагматической, ни распределяющей моделей справедливости. Как уже было ранее представлено, правило талиона, подлежащее применению в модели уравнивающей или ретрибутивной справедливости, в качестве основного механизма воздаяния, восстанавливающего поправленную справедливость (в нашем случае — жизнь за жизнь), является не только архаичным, но и выходящим за рамки современного понимания гуманизма. Модель распределяющей справедливости также не может быть применена, поскольку при ее использовании мы бы столкнулись с необходимостью сопоставления значения ценности жизни в зависимости от заслуг и достижений того или иного человека и последующего за этим логически необходимого признания высокой важности жизни конкретного лица по сравнению с другим человеком. Подобные позиции также не могут быть допустимыми в связи с их естественно-правовой, конституционной неприемлемостью.

Третья модель выступает единственно возможной, поскольку она, с одной стороны, исключает варианты прямого математического или физиологического замещения ценности жизни (утраченного здоровья) одного

лица другому как субъективного права потерпевшего, а с другой стороны, предполагает введение компенсаторных механизмов, направленных на восстановление вреда, причиненного здоровью в качестве безусловной обязанности со стороны причинителя вреда.

Переходя к квалификации критериев пропорциональности на предмет их невозможного, допустимого или необходимого, получаем следующее:

- **законность цели** — защита жизни и здоровья выступает фундаментальной конституционно защищаемой ценностью, поэтому установление каких-либо компенсаторных механизмов выступает безальтернативно обязательным, что в рамках нашей матрицы соответствует правовой константе «конституционно необходимой» [«да»];
- **пригодность** — правовой механизм (финансовой или иной материально-денежной) компенсации следует рассматривать как вполне пригодный, по сравнению, например, с лишением жизни или здоровья причинителя вреда [«да»];
- **адекватность** как консолидация необходимости и соразмерности — финансовый способ компенсации вреда, действительно, минимальным образом ограничивает право лица при достижении обязательного при содействии государства публично-правовой цели восстановления справедливости (необходимость); кроме того, использование материального замещения позволяет говорить, что ущерб, причиненный интересам частного лица, пропорционален полученной общественной (публичной) пользе от введенного ограничения (соразмерность) [«да»].

Говоря об ущербе, подлежащем оценке в рамках принципа пропорциональности, следует уточнить, что под таковым следует понимать не только материальное выражение вреда, но и другие отрицательные последствия: моральный вред, чувства унижения и душевного расстройства²².

Применительно к рассматриваемому казусу матрица будет выглядеть следующим образом (табл. 2).

Таким образом, вводимое законодателем правовое регулирование, которое будет отвечать выявленным здесь критериальным позициям (маркерам в соответствующих графах и ячейках), следует считать соответствующим конституционным предписаниям, и наоборот: нормы законодательства, квалификация которых повлечет изменение «идеальных» позиций — их проставление — в иных критериальных позициях, следует подвергнуть в анализ их конституционности ввиду возможного отклонения от исполнения принципа пропорциональности.

Например, если в качестве возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью, вместо компенсации законодатель предусмотрит административную или уголовную ответственность (при тех же условиях: наличие грубой неосторожности со стороны потерпевшего и отсутствие вины причинителя вреда), то, помимо

²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 г. № 816-О-О.

²¹ Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 г. № 3429-О.

²² Пункт 10 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178.

Матрица элементов пропорциональности (пример 1)

баланс конституционно защищаемых ценностей			
критерии пропорциональности	справедливость меновая (коммутативная)		
законность цели	нет	нет	да
пригодность	нет	нет	да
адекватность [необходимость и соразмерность]	нет	нет	да
правовые константы	[а]	[б]	[в]

Таблица 3

Матрица элементов пропорциональности (пример 2)

баланс конституционно защищаемых ценностей			
критерии пропорциональности	справедливость меновая (коммутативная)		
законность цели	нет	нет	да
пригодность	нет	нет	да
адекватность [необходимость и соразмерность]	нет	да	нет
правовые константы	[а]	[б]	[в]

доктринально-отраслевых проблем (отсутствие вины в составе правонарушения или преступления), мы смещаем критерий адекватности с позиции необходимости в сторону «правовой невозможности» [а], поскольку сам по себе факт квалификации деяния в качестве уголовного или административного деяния никоим образом в этой ситуации не восстанавливает вред, причиненный здоровью лица.

Иными словами, в этом случае такой критерий конституционной пропорциональности не выполняется и свидетельствует о несоразмерности выбранного механизма обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей.

Усложним ситуацию: к административному или уголовному наказанию добавляем материальную компенсацию причиненного вреда жизни и здоровью. Сам по себе подобный юридический состав является вполне приемлемым, но при отсутствии вины со стороны причинителя вреда будет свидетельствовать лишь о «допустимости» [б] — его отчасти необходимым, но недостаточно соразмерным, в отличие от первого рассмотренного варианта — вполне адекватным: необходимым [в].

Сравнительно другим образом следует оценивать пропорциональность защиты, предусмотренной рассматриваемыми положениями статьи 1083 ГК РФ, в ситуации, когда речь идет не о возмещении вреда жизни или здоровью человека, но иным конституционно защищаемым ценностям.

Так, исследуя цивилистические положения, предусмотренные главой 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда» применительно к отношениям, возникающим в связи с реквизицией, выступающей

способом правомерного изъятия имущества в ситуациях, связанных с распространением особо опасных болезней животных, Конституционный суд РФ совершенно справедливо соотносит их с имущественными и по этой причине признает неконституционным наличие в системе действующего законодательства неопределенности «в вопросе об учете при определении и осуществлении выплаты собственнику стоимости животных или продуктов животноводства, изъятых у него при ликвидации очагов особо опасных болезней животных»²³.

Обратим внимание на принципиальное различие: если в ситуации с оценкой вреда, причиненного жизни или здоровью лица, подобная ситуация является обоснованной и разрешаемой по усмотрению суда на основании его дискреционных полномочий, то в случае с имуществом — не соответствующим Конституции РФ.

Для подобной ситуации матрица конституционной пропорциональности до признания имеющей место практике правоприменения неконституционной, т. е. в отсутствии механизма, позволяющего определить ущерб, выглядела бы таким образом (табл. 3).

Принцип пропорциональности не соблюден применительно к критерию адекватности: денежная компенсация является необходимой, но поскольку отсутствуют методики ее расчета — она может быть недостаточно соразмерной размерам причиненного вреда: допустима [б], но не «конституционно необходима», поскольку любое имущественное благо, любая вещь (животные относятся именно к этой категории), в отличие от нематериальных ценностей — здоровья или жизни

²³ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.07.2021 г. № 33-П.

человека, выступающей наивысшей конституционно защищаемой ценностью, — не может иметь императивную модель подсчета ее «стоимости», потому что требует охвата в своей оценке множества самых различных, зачастую математически неформализуемых обстоятельств в принципе. Последнее в настоящий момент представляется единственно возможным и конституционно допустимым достигнуть только в рамках правоприменительной дискреции суда.

Как вытекает из судебной правоприменительной практики, оценка пропорциональности производится с учетом обстоятельств конкретного дела не только с учетом значимости защищаемых законом ценностей (здоровья, жизни и т. п.), но и с учетом имеющих для рассмотрения данного дела юридически значимых субъективных фактов и характеристик лица: пола, возраста, состояния здоровья, признаков деликтного поведения лица²⁴.

Таким образом, процедурно-процессуальный характер принципа пропорциональности проявляется, с одной стороны, в обязательной оценке взаимодействия с другими конституционными принципами на базе взаимообусловленного юридически и логически сочетаемых между собой критериев и моделей (условия пропорциональности, представленные в изложенной выше матрице) — *процессуальный момент*, с другой стороны, в последовательном исполнении соответствующих обязательных этапов (теста пропорциональности) — *процедурный момент*.

Принцип пропорциональности позволяет установить адекватность способов и границ реализации прав и законных интересов, влияет на определение непосредственных форм и процедур, инструментов и механизмов законотворчества и правоприменения.

Выводы

Принцип пропорциональности выступает одной из фундаментальных правовых основ, регламентирующих конституционные правоотношения и обладающих высокой степенью юридической абстракции, его содержанием является процедурно-процессуальная модель применения условий и критериев достижения справедливости, реализация которой носит пруденциальный по отношению к обеспечению баланса конституционно защищаемых ценностей характер.

Исполнение процедурно-процессуальной модели является не только фактором правоприменения принципа пропорциональности, но и абсолютно необходимым условием его реализации. В последнем состоит основополагающее отличие содержания принципа пропорциональности от других конституционных принципов права. С учетом конституционной пропорциональности как самостоятельного феномена правовой действительности принцип пропорциональности обретает свое содержание исключительно в процессе его реализации. Последнее предполагает последовательное соблюдение условий и критериев, представленных в изложенной выше авторской матрице пропорциональности.

Спорадическое исполнение (применение) отдельных критериев и условий не позволяет обеспечить механизм его действия в целом. Исключение из матрицы каких-либо элементов не позволяет в должной степени применять пропорциональность в соответствующих видах правоотношений.

Основополагающими здесь выступают требования последовательного соблюдения (оценки и анализа) выявленных критериев в степени их достижения (реализации), агрегированных в единой матрице элементом (условий) пропорциональности.

Неисполнение каких-либо процедурно-процессуальных элементов, обеспечивающих действия принципа пропорциональности, их упразднение исключает исполнение принципа как такового. Иное применение принципа пропорциональности не будет способствовать укреплению доверия ни к конкретным решениям такого органа, ни к деятельности публичных институтов как таковым.

Как видим, принцип пропорциональности обладает спецификой собственного юридического содержания, отличающего его не только от юридических норм, но и от особенностей правовой реализации других конституционных принципов. Вероятно, следует признать, что принцип пропорциональности выступает одной из «интегративных структур», о которой писал в свое время С.С. Алексеев, признавая за правом единую систему, в которой, помимо норм-предписаний и «классических» принципов, существуют иные «частицы», являющиеся органическими элементами нормативной системы в целом.

²⁴ Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на жизнь (утв. Президиумом Верховного Суда РФ) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://vsrf.ru/> по состоянию на 23.06.2021.

Литература

1. Азми Д.М. Правовое значение и соотношение понятий «процесс» и «процедура» // Адвокат. 2009. № 12. С. 13—20.
2. Алебастрова И.А. Конституционные принципы: проблемы юридической природы и эффективности реализации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 7. С. 5—12.
3. Алебастрова И.А. Конституционные принципы: форма выражения, место в системе права и его источники // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 12—16.
4. Барабаш А.С. О содержании понятия «принцип» в разных отраслях права // Российский юридический журнал. 2019. № 2. С. 98—107.
5. Гаджиев Г.А. Конституционная экономика и рациональность в конституционном праве // Ежегодник конституционной экономики. 2018 / Отв. ред. С.А. Авакьян, П.Д. Баренбойм, В.В. Комарова. М. : ЛУМ, 2018. С. 18—42.
6. Гаджиев Г.А. О принципе пропорциональности и конституционной кассации // Судья. 2019. № 7. С. 56—74.
7. Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 22—45.
8. Гемонова Е.А. Соотношение принципов права и норм права на примере нормативного правового договора // Российская юстиция. 2019. № 11. С. 5—8.
9. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996. 400 с.
10. Крусс В. И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. С. 7—14.
11. Омелехина Н.В. Обеспечительная функция публичных финансов в контексте конституционных принципов социального государства // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 76—85.
12. Хорунжий С.Н. Общероссийское голосование как субсидиарная форма реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами государства // Мониторинг правоприменения. 2020. № 3(36). С. 9—15. DOI: 10.21681/2226-0692-2020-3-9-15 .
13. Хорунжий С.Н. Дискреционные полномочия федерального законодателя в сфере электоральных отношений: конституционно-правовой аспект / Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 3(21). С. 52—65.
14. Хорунжий С.Н. Правовой баланс как самостоятельная юридическая ценность: механизмы его обеспечения и регулирования. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2019. 526 с.
15. Шустров Д.Г. Прирученный Левиафан: государство как объект конституционно-правового регулирования. СПб., 2014. 434 с.
16. Якимова Е.М. Проблема бинарности конституционных принципов свободы предпринимательской деятельности и социального государства // Право и экономика. 2019. № 3. С. 35—40.
17. Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. (1986). Oxford, 2010.
18. Alexy R. Rechtsregeln und Rechtsprinzipien. R. Alexy/H.-J. Koch/ L. Kuhlen/H. Rübmann, Elemente einer juristischen Begründungslehre, Baden-Baden 2003, S. 217-233.
19. Grundmann S. Constitutional values and European contract law. The Netherlands, 2008.
20. Mohapatra A. K. Basic objectives and values of Indian Constitution // Orissa Review. 2011. January.

Рецензент: **Захарцев Сергей Иванович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой адвокатуры и правоохранительной деятельности РГСУ, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: sergeyivz@yandex.ru

PROPORTIONALITY AS AN INDEPENDENT CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION

S. Khorunzhii²⁵

Keywords: *constitutional principle, proportionality, necessity, suitability, balance of constitutionally protected values, deconstruction.*

Abstract.

Purpose of the work: analysing and identifying the features of proportionality as an independent constitutional principle of law, setting up a matrix of the proportionality elements ensuring the conditions for implementing constitutional proportionality.

Methods of study: the scientific doctrinal, legal dogmatic, comparative legal, and hermeneutic methods.

²⁵ Sergei Khorunzhii, Secretary of the Voronezh Oblast Election Commission, Ph.D. (Law), Associate Professor at the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Faculty of Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: snhor@mail.ru

Results of study: it was established that the proportionality principle is independent, it is one of the basic legal foundations regulating constitutional legal relations which possess a high degree of legal abstraction whose content is a procedural model of using the conditions and criteria for achieving justice the implementation of which is of prudential nature in relation to ensuring the balance of constitutionally protected values.

The execution of the procedural model becomes not only a fact of law enforcement of the proportionality principle but is a condition for its implementation. This is the fundamental difference between the content of the proportionality principle and other constitutional law principles. Considering constitutional proportionality as an independent phenomenon of legal reality, the proportionality principle acquires its content exclusively in the process of its implementation. The latter presumes a consistent observance of the conditions and criteria presented in the said proportionality matrix.

The categories, features and conditions for ensuring the balance of constitutionally protected values were brought together in a comprehensive matrix demonstrating the operation of the constitutional proportionality principle as such.

The author's model of the proportionality matrix presented in the paper allows to ensure a balance between the material and procedural principles, the competence of the public agency and judicial control (oversight), epistemological uncertainty and explicit provisions of the Constitution.

The proportionality principle detects the adequacy of the ways and boundaries of implementing rights and legitimate interests, affects the definition of direct forms and procedures, tools and mechanisms of law-making and law enforcement.

References

1. Azmi D.M. Pravovoe znachenie i sootnoshenie poniatii "protsess" i "protsedura". Advokat, 2009, No. 12, pp. 13-20.
2. Alebastrova I.A. Konstitutsionnye printsipy: problemy iuridicheskoi prirody i effektivnosti realizatsii. Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo, 2007, No. 7, pp. 5-12.
3. Alebastrova I.A. Konstitutsionnye printsipy: forma vyrazheniia, mesto v sisteme prava i ego istochnikov. Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo, 2007, No. 8, pp. 12-16.
4. Barabash A.S. O sodержanii poniatii "printsip" v raznykh otrasliakh prava. Rossiiskii iuridicheskii zhurnal, 2019, No. 2, pp. 98-107.
5. Gadzhiev G.A. Konstitutsionnaia ekonomika i ratsional'nost' v konstitutsionnom prave. Ezhegodnik konstitutsionnoi ekonomiki, 2018. Otv. red. S.A. Avak'ian, P.D. Barenboim, V.V. Komarova. M. : LUM, 2018, pp. 18-42.
6. Gadzhiev G.A. O printsipe proporsional'nosti i konstitutsionnoi kassatsii. Sud'ia, 2019, No. 7, pp. 56-74.
7. Gadzhiev G.A. Printsipy prava i pravo iz printsipov. Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie, 2008, No. 2, pp. 22-45.
8. Gemonova E.A. Sootnoshenie printsipov prava i norm prava na primere normativnogo pravovogo dogovora. Rossiiskaia iustitsiia, 2019, No. 11, pp. 5-8.
9. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti. M., 1996. 400 pp.
10. Kruss V. I. Rossiiskaia konstitutsionnaia aksiologiya: aktual'nost' i perspektivy. Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo, 2007, No. 2, pp. 7-14.
11. Omelekhina N.V. Obespechitel'naia funktsiia publichnykh finansov v kontekste konstitutsionnykh printsipov sotsial'nogo gosudarstva. Zhurnal rossiiskogo prava, 2021, No. 8, pp. 76-85.
12. Khorunzhii S.N. Obshcherossiiskoe golosovanie kak subsidiarnaia forma realizatsii konstitutsionnogo prava grazhdan na uchastie v upravlenii delami gosudarstva. Monitoring pravoprimeneniia, 2020, No. 3(36), pp. 9-15. DOI: 10.21681/2226-0692-2020-3-9-15 .
13. Khorunzhii S.N. Diskretionnye polnomochiia federal'nogo zakonodatelia v sfere elektoral'nykh otnoshenii: konstitutsionno-pravovoi aspekt. Grazhdanin. Vybory. Vlast', 2021, No. 3(21), pp. 52-65.
14. Khorunzhii S.N. Pravovoi balans kak samostoiatel'naia iuridicheskaia tsennost': mekhanizmy ego obespecheniia i regulirovaniia. Voronezh : Izd-vo VGU, 2019. 526 pp.
15. Shustrov D.G. Priruchennyi Levafan: gosudarstvo kak ob'ekt konstitutsionno-pravovogo regulirovaniia. SPb., 2014. 434 pp.
16. Iakimova E.M. Problema binarnosti konstitutsionnykh printsipov svobody predprinimatel'skoi deiatel'nosti i sotsial'nogo gosudarstva. Pravo i ekonomika, 2019, No. 3, pp. 35-40.
17. Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. (1986). Oxford, 2010.
18. Alexy R. Rechtsregeln und Rechtsprinzipien. R. Alexy/H.-J. Koch/ L. Kuhlen/H. Rüßmann, Elemente einer juristischen Begründungslehre, Baden-Baden 2003, S. 217-233.
19. Grundmann S. Constitutional values and European contract law. The Netherlands, 2008.
20. Mohapatra A. K. Basic objectives and values of Indian Constitution. Orissa Review. 2011. January.

